Соколова Е.Т., Иванищук Г.А. Проблема сознательной и бессознательной манипуляции.

Sokolova E.T., Ivanishchuk G.A. The problem of conscious and unconscious manipulation.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет психологии, кафедра нейро- и патопсихологии, Москва, Россия.

В статье рассматривается феноменологическое и теоретическое разнообразие представлений о манипуляции, общей для которых выступает тема контроля, управляемого поведения другого человека без учета его собственных потребностей и эмоций. Важным критерием различения, определяющим прагматические эффекты манипуляции, удовлетворяемые потребности, стратегии и соотнесенность с этическими нормами, является осознанный или бессознательный характер манипуляции. Если макиавеллизм, как система осознанных установок и соответствующих манипулятивных стратегий, опирается на инструментальные потребности, то проективная идентификация, как ранняя – защитная – форма манипуляции служит витальным потребностям и, в этом смысле, аэтична. Тем не менее, избыточность как сознательных, так и бессознательных форм манипуляции указывает на внутреннее неблагополучие: макиавеллизм по данным разных исследований связывается с комплексом дисфункциональных черт, а проективная идентификация, как примитивная защита, является частью пограничного уровня организации личности.

Ключевые слова: манипуляция, макиавеллизм, проективная идентификация

Манипуляция и макиавеллизм

В психологии контекст использования термина «манипуляция» постоянно расширяется, как и феноменология, открывающаяся за ним: в оценке власти и личности политических лидеров, в технологиях пропаганды и рекламы, в межличностных отношениях (семейных, психотерапевтических, трудовых), в клинике личностных расстройств и т.д. Вариативность форм манипуляции и многообразие определений обуславливают большое количество исследований, выполненных в русле различных, не всегда сопоставимых подходов. К манипуляции могут быть отнесены как самые разные формы социального поведения, так и клиническая симптоматика: ложь, хитрость, прямое физическое насилие, запугивание, жалобы, избирательное внимание, сарказм, осуждение, соблазнение, рационализация (спин), индуцирование вины и стыда, подкуп, парасуицид, агрессия и др. [Соколова, 1989; Freedenthal, 2007; Potter, 2006].

Содержательно все эти феномены объединяет обнаруживаемое стремление субъекта к неограниченному контролю и управлению мыслями, чувствами и поведением партнера по коммуникации, любыми средствами и при полном игнорировании душевного мира партнера. Одно из обобщающих определений принадлежит П. Вацлавику: он называет манипуляцией такой способ взаимодействия, в котором прагматический эффект (т.е. воздействие на партнера) приобретает статус самоцели [Вацлавик и др., 2000].

Манипуляция предполагает потребительское и азтическое отношение к Другому, и в этом смысле манипуляция всегда противоположна диалогу, потенциально разрушительна для открытых доверительных отношений [Соколова, 1995]. Эта точка зрения поддерживается рядом исследователей. Например, подчеркивается деструктивность манипуляции: «наличие обмана и разрушительность в результате коммуникации – определяющие характеристики феномена манипуляции индивидом или обществом» [Дружинин, 2005]. Или ее не прямой характер, оснащенность специальными стратегиями: «манипуляция — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко, 2003, с. 58]. Оксфордский словарь указывает на специфическое качество манипулятивных действий: это контроль или влияние (на ситуацию или человека), осуществляемое изощренным, нечестным (бессовестным) способом (Oxford Dictionaries <http://oxforddictionaries.com/definition/english/manipulation>).

Помимо сознательной манипуляции, служащей, как правило, целям продвижения по социальной лестнице, достижению и утверждению власти, существуют и бессознательные ее формы, удовлетворяющие, преимущественно, нарциссические потребности: в неограниченном самоуважении и признании, в гипертрофированном подтверждении собственного существования, в симбиотическом слиянии и т.д. К основным способам бессознательного манипулирования могут быть отнесены ригидно воспроизводимые сценарии родительского поведения, стабилизирующие клинические симптомы, а также инфантильно-примитивные защитные механизмы личности (проективная идентификация, деперсонализация), из интрапсихических регуляторов психической жизни эктериоризирующихся в межличностные.

Между тем, в большинстве определений подчеркивается осознаваемый (и целенаправленный) статус манипулятивного действия как своего рода социальной инженерии. Согласно Хамильтону, это умышленное воздействие или контроль над поведением другого ради собственной выгоды с помощью обаяния, убеждения, соблазнения, обмана, насилия или индуцирования вины [Hamilton et al., 1986]. К кругу феноменов, для которых намеренность является важной характеристикой, относятся методы, используемые в СМИ,

рекламе и политике. Распространенным приемом является манипулирование чувствами и потребностями потребителя: за индуцированием определенной эмоции предъясняется необходимый манипулятору способ разрядки, обещающий избегание негативной эмоции или сохранение позитивной. Например, сосредоточение агрессии на определенном объекте или удовлетворение от покупки новой модели телефона и т.д. Помимо аффективного воздействия средства массовой информации успешно влияют и на когниции – с помощью особого структурирования информации о проблеме и ее решении. Возможно избирательное представление фактов и создание предубеждения такими оборотами, как "всем известно, что" и "само собой разумеется" и т.д., в то время как информация может быть далеко не бесспорной и представлять собой дискуссионную точку зрения [Аронсон, Пратканис, 2003]. В стилистике речи (в основном, политиков) выделяется несколько манипулятивных категорий: отрицание без отрицания, извинение без извинения, пассивный залог («были допущены ошибки»). Их объединяет сокрытость смысла под социально одобряемой оболочкой – например, политик формально приносит извинения, но если разобраться в грамматической структуре высказывания, станет ясно, что за этими «извинениями» не стоит чувство вины или желание исправить нанесенный вред. Методы манипуляции в СМИ хорошо разработаны: это используемые категории языка и эмоциональной экспрессии, сенсационность и срочность, повторение, дробление, изъятие из контекста, тоталитаризм источника сообщений, тоталитаризм решения, смешение информации и мнения, прикрытие авторитетом, активизация стереотипов, некогерентность высказываний и т.д. [Кара-Мурза, 2003].

По критерию осознанности близким феноменом, активно изучаемым в психологии, является макиавеллизм. Согласно В.В.Знакову, это набор особых установок и убеждений, обосновывающих для человека возможность использовать других людей в своих целях, не задумываясь о последствиях манипуляций для других субъектов [Знаков, 2002]. Таким образом, это представление о других людях, с высокой вероятностью влекущее за собой манипулятивное поведение, может быть выявлено с помощью опросника (Mach-IV) и сопоставлено с другим набором черт и установок [Fehr et al., 1992, Vol. 9].

Макиавеллизм долгое время считался фактором успешности, прогностически позитивной характеристикой работника большой корпорации. Некоторые компании открыто сообщают, что предпочитают выбирать людей с высоким уровнем макиавеллизма, так как они прагматичны, эмоционально дистанцированы и способны самостоятельно принимать решения [Carlin, 2011; Weber, 2007]. Манипулятивные навыки макиавеллистов в сочетании с низким нейротизмом, высоким психотизмом и экстраверсией обсуждались как предикторы успешного ведения бизнеса [Skinner, 1983]. Кристи и Гейс в своем метаисследовании показали, что макиавеллистов часто описывают как

амбициозных, умных, настойчивых, более коммуникабельных и убедительных независимо от того, говорят они собеседнику правду или лгут [Зенцова, 2009; Знаков, 2002]. Эти личности более целеустремлены и конкурентоспособны, направлены, прежде всего, на достижение цели, а не на взаимодействие с партнерами [Знаков, 2002]. Макиавеллизм рассматривался как фактор лидерского поведения [Kohyar et al., 2010; Robins et al., 2001]. Напротив, неманипулятивное поведение оценивается как слабость, социальная некомпетентность, неумение добиться своего [Carlin, 2011].

В течение длительного времени в позициях исследователей преобладала известная идеализация макиавеллизма как наиболее эффективной стратегии быстрого социального роста, чему способствовали спекуляции о биологических предпосылках жестокости и борьбы за выживание. Согласно этой точке зрения, склонность человека быть противоречивым, непостоянным, неверным, эгоистичным, жестоким, лицемерным и очень умным не рассматривается как преступление против человеческой природы, напротив, считается ее выражением [Jones, 2007]. При этом неправомерно отождествляется способность понимать Другого на основе моделирования душевного мира, отличного от своего (называемые эмпатией, социальным интеллектом или ментализацией и психологическим складом ума), и способность управлять поведением Другого как раз игнорируя наличие у этого Другого душевной жизни. «Макиавеллианский интеллект», как утверждают некоторые антропологи, развивается в ответ на усложнение социальных задач, структур и правил (воспитание младших особей, распределение ресурсов и т.д.), с необходимостью требующих антиципации последствий собственных действий, действий других и учета соотношения выигрышей и потерь. Последнее невозможно только на основе индуктивных знаний (научения путем проб и ошибок). «Гипотеза социального мозга» Данбар утверждает, что именно необходимость анализировать собственные и чужие состояния по косвенным данным и применять эти знания для достижения своих целей привела к развитию человеческого головного мозга [Dunbar, 2006]. Утверждается, что не подозрительность, враждебность, цинизм и убежденность в возможности манипулировать другими – черты, также присущие макиавеллизму [Знаков, 2002] – стали «двигателем» эволюции. Макиавеллианский интеллект трактуется здесь как разновидность высокого социального интеллекта, метакогнитивные способности и высокоорганизованные навыки эффективного «чтения мыслей», обеспечивающие конкурентные «выигрыши» в сложно организованном обществе [Carruthers, 2009]. Макиавеллизм является переменной, опосредующей влияние высокого эмоционального интеллекта на выбор эгоистичного или, наоборот, просоциального поведения [Côté et al., 2011].

Изменению в исследовательском отношении к манипуляции способствовала, в частности, растущая обеспокоенность общества безответственным отношением к ресурсам, необходимость ограничения политики

бесконтрольного потребления. Исследования этического компонента в предпринимательской деятельности, маркетинге, экологии показали, что макиавеллизм как выраженная форма эгоизма отрицательно коррелируют с просоциальным поведением, например, с заботой об окружающей среде [Swami et al., 2009, 2010]. Было введено особое понятие «этического лидерства» - это, с одной стороны, управление, основывающееся на нормативных принципах, а с другой – создание в коллективе атмосферы доверия и взаимной ответственности. Высокий уровень макиавеллизма у руководителя снижает эффективность его деятельности, поскольку декларируемые принципы вступают в конфликт с собственными методами лидера [Den Hartog, Belschak, 2012].

Помимо отрицательного влияния макиавеллизма на управление организацией, исследователи показали отсутствие связи макиавеллизма, который, исходя из определения, предполагает стремление к социальному и материальному продвижению, и так называемого саморуководства (self-leadership) – планирования деятельности, внутренней мотивации, конструктивного мышления [Further et al., 2011]. Это подтверждает имеющиеся данные о внешнем локусе контроля макиавеллистов [Егорова, 2010], преимущественно внешней мотивации и позволяет сделать предположение о нестабильности и невысокой эффективности выбираемых стратегий поведения. Косвенно эти данные могут интерпретироваться также в пользу социальной и культурной обусловленности макиавеллизма в большей степени, чем врожденными предрасположенностями мозговой организации. В других исследованиях показано, что макиавеллизм наряду с полом, уровнем идеализма и морального релятивизма влияют на отношение студентов к обману, тогда как возраст, успеваемость, расовая принадлежность – нет [Saulsbury et al., 2011]. Низкий уровень макиавеллизма, наоборот, положительно связан с более аккуратным, морально обоснованным выбором стратегий поведения в бизнесе и повседневной жизни (отрицательное отношение к обману, лжи, или к утилитарной позиции по отношению к другому), предполагая внимание к вопросам этики и морали [Bartels, Pizarro, 2011; Malinowski, 2009; Pandey, Singh, 1986].

Особое значение макиавеллизм приобретает в ситуациях морального выбора: было проведено исследование вклада этой личностной черты в процесс принятия решения о дефиците бюджета. Дефицит бюджета – это умышленная недооценка прибыли или переоценка расходов при планировании. Это распространено в организациях, где доходы тесно связаны не с фактическим успехом компании, а с формальным выполнением плана. У человека, участвующего в принятии такого решения есть дилемма: дефицит бюджета выгоден для его подразделения, но снижает эффективность работы компании в целом. Оказалось, что высокие макиавеллисты в такой

ситуации больше склонны поддаваться давлению заинтересованных лиц, чем низкие макиавеллисты [Hartmann, Maas, 2010].

В новой исследовательской парадигме в значительной степени благодаря развитию биоэтики и интересу к ценностно-смысловым основаниям саморегуляции, макиавеллизм начинает анализироваться как «пограничное» между нормой и патологией поведение, соотносимое, в частности, с некоторыми клиническими феноменами и расстройствами личности. Так, по ряду параметров, макиавеллизм сближается с психопатией – как первичной, так и вторичной [Ali, Chamorro-Premuzic, 2010a, b; Ali et al., 2009; Jones, Paulhus 2010a, b; Jones, Paulhus, 2011]. Помимо объединяющей эти черты неудовлетворенности близкими отношениями [Ali, Chamorro-Premuzic, 2010b], были обнаружены нарушения эмпатии – как аффективного, так и когнитивного ее компонентов [Ali et al., 2009], и общее эмоциональное обеднение [Mchiskey, 1998]. Аффективный компонент эмпатии предполагает способность пережить эмоции другого, тогда как когнитивный в большей степени связан с Theory of mind (ТоМ) и определяется как возможность понять, концептуализировать и построить гипотезы относительно чувств другого человека [Lawrence et al., 2004]. Исследование, посвященное связям психопатии, Макиавеллизма, эмпатии и ТоМ, было построено на предположении о том, что первичным в нарушении коммуникации оказывается именно дефицит ТоМ, а не отсутствие желания понять другого [Ali, Chamorro-Premuzic, 2010a]. Оказалось, что высокий балл по Мак-шкале отрицательно связан с точностью ответов в заданиях на ТоМ в целом, и в частности – с распознаванием нейтральных и позитивных выражений лиц, нейтрального тона голоса. Авторы предполагают, что для манипулирования другими людьми макиавеллистам, как и первичным психопатам, важнее обращать внимание на яркие эмоции, чтобы корректировать стратегии поведения, а более тонкие, нюансированные чувства остаются без внимания [Ali, Chamorro-Premuzic, 2010a].

Выраженная склонность к манипуляции обнаруживается в клинике личностных расстройств. При аддикции от психоактивных веществ, отношения с другими людьми все больше приобретают характер средства получения наркотика и сводятся к манипуляциям в форме принуждения и обмана. На ранних стадиях депрессии нарастание состояний отчаяния, беспомощности и ярости может доходить до суицидальных попыток. При антисоциальном расстройстве желание достичь своих целей не ограничено никакими правилами, поэтому и ложь, и насилие рассматриваются как приемлемые способы. При нарциссическом расстройстве, окружающие используются для поддержания самооценки, являясь не больше, чем зеркала. При пограничной патологии неконтролируемые импульсы (гнев, тревога) [Putnam, Silk, 2005] в сочетании с системой примитивных защит, таких как расщепление и проективная идентификация, реализуются в агрессивном поведении, например, по отношению к персоналу:

несправедливые требования, сутяжничество, внезапные смены настроения, уходы, применение насилия. Остается, правда, трудно верифицируемым, какая часть манипуляций пограничных пациентов сознательна (как ответ на угрозы и непостоянство мира), а какая – бессознательна [Соколова, 2009; Hamilton et al., 1986]. Примитивные защитные механизмы деформируют восприятие, создавая искаженные образы других людей, а высокая тревога перед неопределенностью заставляет использовать манипуляцию как генерализованное средство контроля над враждебными и непредсказуемыми окружающими. Клинические исследования ближе подходят к пониманию нарциссических источников мотивации манипуляции, порождаемой диаметрально противоположно и бессознательно действующими инстинктивными устремлениями – к сближению (слиянию) и паническому избеганию поглощения, потери личной автономии, самоуважения и индивидуальности [Соколова, 2009; Соколова, Чечельницкая, 2001].

Манипуляция как межличностная защита

Мотивационные источники и регуляторные функции манипуляции яснее открываются при анализе ее наиболее архаической и примитивной формы - проективной идентификации (ПИ).

Термин ПИ многозначен и, с одной стороны, фиксирует онтогенетический аспект развития, а именно динамику психической жизни младенца и матери под влиянием простейшего механизма саморегуляции, а с другой – движение взаимных перцепций в трансферентных отношениях в психотерапии. Мелани Кляйн описала проективную идентификацию как защитный механизм на шизо-параноидной позиции, позволяющий исторгнуть в материнский объект, вынести вовне расщепленные части Эго и таким образом снизить тревогу от действия инстинкта смерти [Кляйн, 2001]. «Часть инстинкта смерти проецируется во внешний объект, который, таким образом, становится преследователем, тогда как другая часть инстинкта смерти, которая остается в Эго, обращает свою агрессию против этого преследующего объекта» [Розенфельд, 2003]. Другая часть объектов идеализируется с помощью проекции инстинкта жизни и интернализируется, образуя частичный любящий внутренний объект. Таким образом, проективная идентификация, снижает травматичность и невыносимость персекуторной тревоги и аннигиляции в диффузном еще мире младенца. В ходе первичного конструирования самости и объектов, материнский образ представляется то ненавидимым преследователем, то любящим и дающим родителем, тем самым вынуждая объект к соответствующему поведению – стать «приемником» и «контейнером» для младенческих «экскрементов» [Соколова, 1995; Соколова, Чечельницкая, 1997].

Г. Розенфельд подчеркивает, что «проективная и интроективная идентификации самости и объекта действуют как защита от какого бы то ни

было осознания сепаратности между самостью и объектами» [Розенфельд, 2003]. Признание отделения означает зависимость от объекта и зависть к тем хорошим качествам, отсутствующим у нарциссического пациента. С завистью к возможностям психотерапевта интерпретировать связана тенденция обесценить, разорвать терапию, когда, казалось бы, достигнуты некоторые улучшения.

В 1950-е годы У. Бион предложил различать нормальную и патологическую проективную идентификацию в зависимости от ее частоты, интенсивности и степени «насилия» над объектом в ее реализации [Хиншелвуд, 2007]. Патологическую проективную идентификацию характеризует частая и интенсивная эвакуация болезненного душевного состояния для достижения непосредственного облегчения путем вторжения в объект и контроля над ним. Этот вид ПИ делает высокая степень ненависти, слияние и контроль над Объектом, значительное расщепление самости и особая цель – разрушение понимания, «атака на связи». Нормальная ПИ, используя те же примитивные средства, имеет иную мотивацию: свое душевное состояние «впечатывается» в Объект ради предотвращения тотального игнорирования, удержания объекта и установления какого бы то ни было способа коммуникации с Объектом об этом состоянии, аналогичного примитивной эмпатии. Младенец «вкладывает» в мать невыносимые переживания, она «контейнирует» и обезвреживает их, если обладает достаточной эмоциональной выносливостью, сопереживанием и пониманием, и возвращает обратно для ре-интроекции в более приемлемой, психически переработанной и, потому, доступной для усвоения форме, тем самым предотвращая накопление агрессии и избыточное опустошение психики ребенка. Аналогично, по мысли У. Биона, должны разворачиваться отношения между пациентом и терапевтом [Хиншелвуд, 2007, с. 118].

В связи со столь распространенным пониманием проективной идентификации как агрессивного "вложения" в Другого, Н. Хамилтон (Hamilton, 1986) специально привлекает внимание исследователей к ее позитивным аспектам. Им обсуждается процесс "позитивной проективной идентификации", когда на другого человека проецируются "хорошие" и "любящие" Я-репрезентации, с тем, чтобы через повторную интроекцию активизировать развитие позитивных объектных отношений, используя эмпатическую связь с принимающим объектом. По мнению Х. Томэ и Х. Кэхеле (Thoma H., Kachele H., 1996), представления Н. Хамилтона о "позитивной проективной идентификации" отчасти перекликаются с представлениями Х. Кохута об "идеализируемом" и "отзеркаливающим" Я-объектах.

Основываясь на теории М. Кляйн, можно предположить, что «нормальный» и «патологический» варианты ПИ являются продуктом разных позиций в развитии объектных отношений (депрессивной и шизо-параноидной,

соответственно), в то время как в терапевтическом процессе возникает их сложная динамика и переплетение в различные по своей внутренней интеграции паттерны.

Несмотря на то, что сама М. Кляйн рассматривала проективную идентификацию как раннюю и примитивную фантазию, т.е. в интрапсихическом аспекте (Klein M., 1946, 1952), ее исследования послужили толчком к пониманию защитных механизмов не только как интрапсихических, но и как интеркоммуникативных феноменов. Эти примитивно-архаические механизмы защиты на интерпсихическом уровне выполняют задачу организации и контроля отношения «значимого другого» посредством индукции эмоциональной связи – своего рода примитивной манипуляции (по типу насильственного симбиоза и слияния) – и «вручения» себя другому перед лицом собственной беспомощности в организации и контроле всплесков мощных агрессивных и любовных импульсов. Впоследствии эти идеи во многом инициировали изучение «отношений привязанности» (Дж. Боулби, Д. Винникотт), структурной организации и генеза «пограничной» и «нарциссической» личности (О. Кернберг, Х. Кохут). Они также оказали существенное влияние на методы психотерапии пациентов с серьезными расстройствами личности, способствовали открытию позитивной функции контрпереноса в качестве метода эмпатического понимания единственно доступного пациенту способа сообщения о своем невыносимом состоянии. Принятие и поддержка «нормальных» функций проективной идентификации стали рассматриваться частью психоаналитических исследователей в качестве общей стратегии, направленной на восстановление разрушенных эмоциональных связей. Стадия «холдинга», одного из универсальных методов контейнирования хаотического эмоционального опыта, признается необходимой в терапии погранично-нарциссических пациентов, как способ «репарации» и интеграции Я и Объект-репрезентаций (У. Бион, Х. Кохут), тонкий и, возможно, наиболее эффективный метод понимания бессознательного довербального травматического опыта через вхождение в эмоциональную коммуникацию с пациентом [Балинт, 2002; Кохут, 2002]. Вместе с тем, психотерапия «трудных» пациентов сопряжена с деструктивным воздействием примитивных защит и сопротивлений и с тяжелым расщепленным состоянием пациентов или регрессировавших к этому состоянию.

Мощность воздействия на терапевта так велика, что требует от него постоянного отстаивания границ. Н.Мак-Вильямс пишет: «когда вы имеете дело с пациентом, абсолютно уверенным в «истинности» ваших чувств, с его неустанной борьбой за то, чтобы вы почувствовали именно это, - нужна ясная голова и железная самодисциплина для того, чтобы выдержать подобный эмоциональный напор» [Мак-Вильямс, 1998, с. 56]. У. Бион описывает похожий феномен: «Аналитик чувствует, что им манипулируют

таким образом, чтобы он играл некую роль (несмотря на то, насколько трудно ее распознать) в чужой фантазии» [Bion, 1961, p. 149]. Такие пациенты как раз пытаются, по выражению Балинта, "забраться аналитику под кожу" и как будто обладают безграничным знанием о его мотивах и переживаниях [Балинт, 2002, с. 28].

Терапевтическая интерпретация не работает как метод интеграции психической жизни, напротив, она расценивается как атака со стороны аналитика, грубость, претензия или, наоборот, как нечто соблазняющее, возбуждающее [Балинт, 2002; Хиншелвуд, 2007]. Согласно У. Биону и Мани-Кирл, цель психотерапевта – принять проективную идентификацию пациента, модифицировать эту контейнируемую часть и в форме интерпретации вернуть ее обратно для последующей безопасной интроекции пациентом и части себя, и понимающей части аналитика, терапевтическим следствием чего становится возрастание его внутренних ресурсов [Хиншелвуд, 2007].

Несколько иная позиция выражена в модели экспрессивной психотерапии О. Кернбергом, акцентирующим необходимость сочетания поддерживающих и экспрессивных методов, эмпатической поддержки и интегрирующей функции интерпретации примитивных защит в качестве единственной возможности преодоления негативного влияния проективной идентификации, связанной с чувством всемогущего контроля, и, прежде всего, ненависти. Вследствие постоянной агрессии, пережитой в детстве, субъект идентифицируется и жертвой, и с палачом, вовлекая других в эту ролевую структуру. В такую ловушку может попадать одновременно множество людей: в описанных случаях персонал больницы начал воспроизводить интрапсихический мир объектных отношений пациента, что активировало потенциальные конфликты между ними [Кернберг, 1997]. Одной части персонала пациент казался несчастным и достойным помощи и жалости, а другая считала, что его необходимо контролировать, пресекать манипуляции и ограничивать [Мак-Вильямс, 1998].

Выводы

Выраженность такой личностной черты, как макиавеллизм, с высокой вероятностью влечет за собой манипулятивное поведение, формы которого специфичны и опосредованы целым комплексом черт. К ним относятся пренебрежительное, обесценивающее, овеществляющее отношение к другим людям – деперсонализация, нарциссическое отделение себя от других («право на манипуляцию»), дефицит эмоционального контакта, сопереживания.

Несмотря на осознанность установок (отчет о которых человек отдает при заполнении опросника), макиавеллизм может сосуществовать с

бессознательными формами манипуляции, направленных на достижение других прагматических эффектов. При сознательной манипуляции (макиавеллизме) выгода, как правило, материальна: карьера, деньги, повышение социального статуса, власть. Можно говорить об инструментальном характере потребностей, тесно связанных с перфекционными представлениями и игнорированием нравственных регуляторов поведения. Бессознательная манипуляция младенца, преследуя иные цели, удовлетворяя жизненно важные потребности: в самоуважении, принятии, в общении, в интеграции идентичности, изначально (как проективная идентификация) реализует инстинкт самосохранения. Умеренная проективная идентификация, частично «эвакуируя» непереносимое психофизическое напряжение и устанавливая резонансные эмоциональные отношения взаимозависимости, задает, таким образом, базовые матрицы для будущих более зрелых отношений близости, доверия и солидарности. В этом смысле, слишком частое и некритичное использование манипуляции в зрелом возрасте может служить маркером переживания субъективного неблагополучия и стремления «легализовать» непрямо выраженное «базовых потребностей Я, удовлетворение которых было травматически фрустрировано в раннем детстве неотзывчивым отношением Другого» [Соколова, Чечельницкая, 2001]. Поскольку внутренние источники мотивации скудны, основным поставщиком и гарантом выживания Я вынуждается стать Другой, идеализированно воспринимающийся эмоционально стабильным, отзывчивым, мудрым, слияние и поглощение которого жизненно необходимы, отношения с которым противоречивы и стабильно нестабильны, симбиотичны и насыщены мощными импульсами любви-ненависти [Blatt, Blass, 1996; Соколова, 2007, 2009].

Межличностный аспект проективной идентификации и ее манипулятивная функция в качестве примитивного бессознательного механизма регуляции отношений исследуются недостаточно. Феноменология ПИ и функции, выполняемые ею двойственны: это и простейшее структурирование, организация и контроль границ психического пространства, эмоционального содержания переживаний, коммуникативных ролей. Но также и один из генетически ранних способов агрессивного делегирования Другому ответственности, контроля и функций психической детоксикации собственных мощных разрушительных сил. Именно на метакоммуникативный аспект этого процесса – воздействие на Другого посредством скрытых (невербальных, недостаточно вербализированных и осознанных) посланий-требований, мы обращаем сегодня особое внимание. Возникает, однако, серьезный риск, что понимание бессознательных механизмов манипуляции позволит в «постчеловеческом будущем» размывать границы допустимости социальной инженерии, осознанно и целенаправленно развивать и совершенствовать практики макиавеллизма, «научно» обосновывая, таким образом, пренебрежение правами и достоинством другого человека.

Литература

Аронсон Э., Пратканис Э. [Aronson E., Pratkanis A.] Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.

Балинт М. [Balint M.] Базисный дефект: Терапевтические аспекты регрессии. М.: Когито-Центр, 2002.

Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. [Beavin J., Jackson D., Watzlawick P.] Психология межличностных коммуникаций. СПб.: Речь, 2000.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Речь, 2003.

Дружинин А.М. Коммуникативные практики. Философско-методологический анализ: дис. ... канд. философских наук. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Москва, 2005.

Егорова М.С. Макиавеллизм в структуре личностных свойств. Вестник Перм. гос. пед. ун-та. Сер. 10, Дифференциальная психология, 2009, No. 1/2, 65–80.

Зенцова Н.И. Особенности макиавеллизма и макиавеллианского интеллекта у лиц, зависимых от алкоголя и героина. Вопросы наркологии, 2009, No. 4, 66–73 .

Знаков, В. В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении. Вопросы психологии, 2002, No. 6, 45–54.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2003.

Кернберг О. [Kernberg O.] Проективная идентификация, контрперенос и лечение в стационаре. Московский психотерапевтический журнал, 1997, No. 3, 131–150.

Кляйн М. [Klein M.] Заметки о некоторых шизоидных механизмах. В кн.: Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайманн П. [Klein M., Heimann P., Isaacs S., Riviere J.] Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001.

Кохут Х. [Kohut H.] Восстановление самости. М., Когито- Центр, 2002.

Мак-Вильямс Н. [McWilliams N.] Психоаналитическая диагностика: понимание личностной структуры в клиническом процессе. М.: Класс, 1998.

Розенфельд Г. [Rosenfeld H.] Клинический подход к психоаналитической теории инстинктов жизни и смерти: исследование агрессивных аспектов нарциссизма. Журнал практической психологии и психоанализа, 2003, No. 3. <http://spp.org.ru/page.php?id=4>

Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Моск. гос. университет, 1989.

Соколова Е.Т. Изучение личностных особенностей и самосознания при пограничных личностных расстройствах. В кн.: Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: Аргус, 1995. С. 27–206.

Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопросы психологии. 2009, No. 1, 67–80.

Соколова Е.Т., Коршунова А.Р. Аффективно-когнитивный стиль репрезентации отношений Я–Другой у лиц с суицидальным поведением // Вестник Моск. ун-та. Сер 14. Психология, 2007, No. 4, 48–63.

Соколова Е.Т., Сотникова Ю.А. Проблема суицида: клиничко-психологический ракурс. Вопросы психологии. 2006а, No. 4, 103–115.

Соколова Е.Т., Сотникова Ю.А. Связь психологических механизмов защиты с аффективно-когнитивным стилем у пациентов с повторными суицидальными попытками. Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 2006б, No. 2, 12–29.

Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. Психология нарциссизма. М., Учебно-методический коллектор «Психология», 2001

Хиншелвуд Р. [Hinshelwood R.] Словарь кляйнианского психоанализа – М.: Когито-Центр, 2007.

Ali F., Chamorro-Premuzic T. Investigating Theory of Mind deficits in nonclinical psychopathy and Machiavellianism. *Personality and Individual Differences*, 2010a, 49 (3), 169–174. doi: 10.1016/j.paid.2010.03.027

Ali F., Chamorro-Premuzic T. The dark side of love and life satisfaction: Associations with intimate relationships, psychopathy and Machiavellianism. *Personality and Individual Differences*, 2010b, 48 (2), 228–233. doi: 10.1016/j.paid.2009.10.016

- Ali F., Ines S., Chamorro-Premuzic T. Empathy deficits and trait emotional intelligence in psychopathy and Machiavellianism. *Personality and Individual Differences*, 2009, 47 (7), 758–762. doi: 10.1016/j.paid.2009.06.016
- Bartels D.M., Pizarro D.A. The mismeasure of morals: antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas. *Cognition*, 2011, 121(1), 154–161. doi:10.1016/j.cognition.2011.05.010
- Bion W.R. *Experiences in groups*. – London: Tavistock Publications, 1961.
- Blatt S.J., Blass R.B. Interpersonal Relatedness and Self-Definition: Two Basic Dimensions in Personality Development and Psychopathology. In: *Development and Vulnerabilities in Close Relationships*, Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1996.
- Carlin F. The art of influence. *Psychology Today*, 2011, 44(5), 64–69.
- Carruthers P. How we know our own minds: The relationship between mindreading and metacognition. *Behavioral and Brain Sciences*, 2009, 32 (2), 121–138. doi:10.1017/S0140525X09000545
- Côté S., Decelles K.A., McCarthy J.M., Van Kleef G.A., Hideg I. The Jekyll and Hyde of emotional intelligence: emotion-regulation knowledge facilitates both prosocial and interpersonally deviant behavior. *Psychological Science*, 2011, 22(8), 1073–1080. doi: 10.1177/0956797611416251
- Den Hartog D.N., Belschak F.D. Work Engagement and Machiavellianism in the ethical leadership process. *Journal of Business Ethics*, 2012, 107 (1), 35–47. doi: 10.1007/s10551-012-1296-4
- Dunbar R. I. M. Putting humans in their proper place. *Behavioral and Brain Sciences*, 2006, 29 (1), 15–16. doi: 10.1017/S0140525X06259016
- Fehr B., Samsom D., Paulhus D. L. The construct of Machiavellianism: Twenty years later. In: C. D. Spielberger, J. N. Butcher (Eds.), *Advances in personality assessment*. Routledge, 1992, Vol. 9, pp. 77–116.
- Freedenthal S. Challenges in assessing intent to die: can suicide attempters be trusted? *Omega: The Journal of Death and Dying*, 2007, 55 (1), 53–70.
- Further M. R.; Rauthmann J. F.; Sachse P. The self-loving self-leader: an examination of the relationship between self-leadership and the Dark triad. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 2011, 39 (3), 369–379. doi: 10.2224/sbp.2011.39.3.369

Hamilton J.D., Decker N, Rumbaut R.D. The manipulative patient. *American Journal of Psychotherapy*, 1986, 40 (2), 189–200.

Hartman F.G.H., Maas V.S. Why business unit controllers create budget slack: involvement in management, social pressure, and Machiavellianism. *Behavioral Research in Accounting*, 2010, 22 (2), p. 27–49. doi: 10.2308/bria.2010.22.2.27

Jones D.N., Paulhus D.L. Different provocations trigger aggression in narcissists and psychopaths. *Social and Personality Psychology Science*, 2010a, No. 1, 12–18.

Jones D.N., Paulhus D.L. Differentiating the Dark Triad within the interpersonal circumplex. In: L.M. Horowitz, S.N. Strack (Eds.), *Handbook of Interpersonal Psychology: Theory, research, assessment, and therapeutic Interventions*. New York: Guilford, 2010b. pp. 249–267. doi: 10.1002/9781118001868.ch15

Jones D.N., Paulhus D.L. The role of impulsivity in the Dark Triad of personality. *Personality and Individual Differences*, 2011, 51 (5), 679–682. doi: 10.1016/j.paid.2011.04.011

Jones M. *The Modern Prince: better living through Machiavellianism*. CreateSpace, 2007.

Kohyar K., Restubog S.L., Zagenczyk T.J., Kiewitz Ch., Tang R.L. In pursuit of power: The role of authoritarian leadership in the relationship between supervisors' Machiavellianism and subordinates' perceptions of abusive supervisory behavior. *Journal of Research in Personality*, 2010, 44 (4), 512–519. doi: 10.1016/j.jrp.2010.06.004

Lawrence E., Shaw P., Baker D., Baron-Cohen S., David A. Measuring empathy: Reliability and validity of the Empathy Quotient. *Psychological Medicine*, 2004, No. 34, 911–919.

Malinowski C. The relationship between Machiavellianism and undergraduate student attitudes about hypothetical marketing moral dilemmas. *Competitiveness Review*, 2009, 19 (5), 398–408. doi: 10.1108/10595420910996019

McHoskey J.W., Worzel W.Q., Szyarto C. Machiavellianism and psychopathy. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998, 74, 192–210. doi: 10.1037/0022-3514.74.1.192

Pandey J., Singh A. K. Attribution and evaluation of manipulative social behavior. *Journal of Social Psychology*, 1986, 126 (6), 735–745.

Potter N.N. What is manipulative behavior, anyway? *Journal of Personality Disorders*, 2006, 20 (2), 139–156. doi: 10.1521/pedi.2006.20.2.139

Putnam K.M., Silk K.R. Emotion dysregulation and the development of borderline personality disorder. *Development and Psychopathology*, 2005, No. 17, 899–925. doi: 10.1017/S0954579405050431

Robins R.W., Paulhus D.L., Delroy L. The character of self-enhancers: Implications for organizations. In: B. W. Roberts, R. Hogan (Eds.), *Personality psychology in the workplace. Decade of behavior*. Washington, DC, US: American Psychological Association, 2001. pp. 193–222. doi: 10.1037/10434-008

Saulsbury M.D., Brown U.J. III, Heyliger SO, Beale R.L. Effect of dispositional traits on pharmacy students' attitude toward cheating. *American Journal of Pharmaceutical Education*, 2011, 75(4), 69.

Skinner N. F. Personality correlates of Machiavellianism, extraversion and toughmindedness in business. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 1983, 11 (1), 29–33. doi: 10.2224/sbp.1982.10.2.201

Swami V., Chamorro-Premuzic T., Snelgar R., Furnham A. Personality, individual differences, and demographic antecedents of self-reported household waste management behaviours. *Journal of Environmental Psychology*, 2010, 31 (1), 21–26. doi: 10.1016/j.jenvp.2010.08.001

Swami V., Chamorro-Premuzic T., Snelgar R., Furnham A. Egoistic, altruistic, and biospheric environmental concerns: A path analytic investigation of their determinants. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2010, 51 (2), 139-145. doi: 10.1111/j.1467-9450.2009.00760.x

Weber S. *Organizational Behaviour - Google Corporate Culture in Perspective*. Scholarly Research Paper, 2007.

Соколова Елена Теодоровна. Доктор психологических наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии факультет психологии Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009, Москва, Россия.

etsokolova@pochta.ru [электронный адрес Соколовой Е.Т.]
+79104856837; +74959355009

Иванищук Галина Александровна. Аспирант кафедры нейро- и патопсихологии, факультет психологии Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009, Москва, Россия.

Ivanishuk.galina@gmail.com [электронный адрес Иванищук Г.А.]
+79035787737, +74953115010

Соколова Е.Т., Иванищук Г.А. Проблема сознательной и бессознательной манипуляции.